

громкихъ фразъ о свободѣ и равенствѣ, антипатичныхъ, ему въ устахъ французовъ, и высоко ставя конституцію, онъ на почвѣ ея выводилъ логически необходимость признанія правъ колонистовъ, такъ же англійскихъ гражданъ, какъ и тѣ, что остались на родинѣ, и уваженія къ ирландской самостоятельности. Рѣчи его, то блестящія, полныя сравненій и картинъ, то мѣткія и лаконическія, расходились по странѣ, сдѣлали его кумиромъ всего молодого поколѣнія. Вмѣстѣ съ Фоксомъ, стоявшимъ во главѣ либеральной партіи, онъ старался парализовать безразсудство правительства, проводя политику мира и гражданскаго развитія. Но онъ не донесъ до конца дней нетронутую эту удивительную репутацию. Шестидесятилѣтнимъ старикомъ встрѣтилъ онъ французскую революцію, встревожился за Англію, которая могла также сойти съ пути законности, и безпощадно ополчился противъ чужеземныхъ идей. Его знаменитыя книги «Размышленія о французской революціи», «Отъ стараго вига къ новымъ» и т. д. не могли не взволновать общественнаго мнѣнія; онъ полны нетерпимости и желчи, слишкомъ расчитаны на возбужденіе народнаго самодовольства и исключительности, но по временамъ блещутъ немалыми достоинствами: такъ онъ зло осмѣиваетъ взглядъ французскихъ дѣятелей на жизнь государства, какъ на *tabula rasa*, на которой можно написать все, что угодно, увѣренность, что декретами можно измѣнить всѣ общественные взгляды и обычаи; онъ отгадываетъ предпочеііе вліянію народнаго образованія въ духѣ гуманности. Но эти соображенія тонуть въ массѣ нетерпимыхъ выходокъ, которыя подѣ концѣ подѣйствовали на умы, запуганные быстрыми успѣхами движенія и водвореніемъ республики. Борекъ кончаетъ жизнь доврѣннымъ лицомъ консерваторовъ всей Европы, агентомъ Бурбоновъ и ихъ кобленскаго двора, однимъ изъ виновниковъ реакціи, отъ которой такъ страдало потомъ байроновское поколѣніе.

Но французскія идеи, особенно въ первый періодъ революціи, находили въ Англіи живое сочувствіе; бойко, талантливо, хотя не безъ декламации написанная быстро выдвинувшимся агитаторомъ Томомъ Пэйномъ въ отвѣтъ Борку книга о «Правахъ человека» разошлась въ 100,000 экз. Въ столицѣ и провинціи образовались радикальные клубы; популярныя пасторы (Джоз. Фуусетъ) распростирали тѣ же взгляды съ кафедръ; ученые въ родѣ Пристлея и Эрама Дарвина выражали свои симпатіи Франціи въ трактатахъ и даже хвалебныхъ одахъ; юристы, подобно Бенхаму, подчеркивали научными доводами и развивали гуманные принципы, высказанные въ первыхъ заявленіяхъ возрождавшейся Франціи.

Въ этой возбужденной средѣ послышался задушевный, свѣжій голосъ послѣдняго замѣчательнаго поэта XVIII вѣка, Бёрнса. Предестное

его стихотвореніе «Субботній вечеръ поселянина» *) рисуетъ патриархально-пуританскую обстановку его дѣтства, скрашенную дружными семейнымъ кружкомъ, чтеніемъ библии, пѣніемъ старыхъ шотландскихъ пѣсенъ. Съ дѣтства поэтъ привыкъ къ борьбѣ за существованіе, сопутствовавшей всей его жизни; въ молодости онъ испыталъ забвенія въ шумныхъ похощеніяхъ и ширшкахъ, приводившихъ въ содроганіе его отца, но не погубившихъ лучшихъ силъ юноши. Въ противоположность Кольцову, Бёрнсъ могъ пріобрѣсти въ деревенской средѣ далеко не скудное образованіе: въ лицѣ школьнаго учителя онъ нашелъ человѣка развитого, познакомившаго его съ законами природы, давшаго ему въ руки Шекспира и т. д. Вмѣстѣ съ братомъ, поэтъ принялъ наслѣдіе отца — плохую ферму, дѣйствительно ходилъ за плугомъ, исполнялъ всѣ сельскія работы и въ полѣ же сложилъ свою первую пѣсню въ честь красавицы-крестьянки, которая шла тоже за плугомъ въ сосѣдней полосѣ. Его стихи, иногда принимавшіе характеръ задронной сатиры на антипатичныхъ личностей околотка, составили ему тогда же репутацию опаснаго человѣка. Хозяйство шло въ убытокъ, и доведенный до отчаянія, Бёрнсъ готовился уже эмигрировать на Ямайку, когда одинъ изъ друзей его предложилъ послѣднее средство избавиться отъ нужды, — заданіе его стиховъ по подпискѣ. Такъ появился первый сборникъ его пѣсенъ, неожиданно вызвавшій восторгъ во всѣхъ слояхъ шотландскаго общества, начиная съ аристократіи и кончая послѣдними поселяниномъ; въ народѣ сочли Бёрнса прямымъ потомкомъ старыхъ національных пѣвцовъ; онъ былъ почитаемъ всякому, чуждался вычурныхъ чувствъ и мыслей, и осущестлялъ, казалось, идеалъ народнаго поэта. Въ эдинбургскихъ интеллигентныхъ кружкахъ, блиставшихъ знаменитыми именами Юма, А. Д. Смита и др. и слонявшихся непріязненно относятся къ англійской гегемоніи, донельзя радовались появленію новаго таланта; зная готова была избаловать его, но онъ понялъ, что служить для нея интересною рѣдкостью, сталъ отдаляться отъ богатыхъ покровителей и съ удовольствіемъ бывалъ тамъ, гдѣ сочувствіе было сердечное, въ грязныхъ домишкахъ, гдѣ лѣпились бѣдняки и нищія. Тутъ его чествовали искренно, тутъ онъ нерѣдко импровизировалъ лучшія свои стихотворенія. Эти вкусы возбудили противъ него аристократовъ, при второмъ прѣздѣ Бёрнса совѣмъ отдалившихся отъ него. Въ немъ проснулось замيرانее уже демократическое чувство протеста, онъ бросилъ городъ и вернулся на родину. Неудачи опять преслѣдовали его, какъ фермера; увеличился одной деревенской красавицей, онъ сошелся съ ней по старому шотландскому обычаю, — бракъ состоялся лишь по взаимному согласію, безъ цер-

*) Русский переводъ В. Костомарова (Соврем. 1861 г.).

ковной санкціи; сильно любилъ жену, хотя засматривался и на другихъ, воспѣвалъ ее, отстаивалъ отъ сплетенъ и наконецъ, послѣ колебаній, закрѣпилъ свой союзъ церковнымъ бракомъ. Второе изданіе стихотвореній принесло небольшія деньги; Бёрнсъ завелъ собственную ферму, но плохо выбралъ мѣсто и разорился, несмотря на то, что работалъ изо всехъ силъ. Отвлеченіемъ отъ заботъ являлись долгія прогулки по горамъ; онъ исходилъ почти всю Шотландію, ведѣ знакомясь съ народомъ, особенно съ пѣвцами, пѣсни которыхъ записывалъ. Наконецъ пришлось взять мѣсто. Его назначили надсмотрщикомъ въ корчемной стражѣ; служба была трудная вслѣдствіе усиленія контрабандной выдѣлки и привоза вина; приходилось наблюдать и за внутреннимъ корчемствомъ, и за морскимъ берегомъ. Но работа эта спасала цѣлую семью отъ голода. Бёрнсъ, строгій съ контрабандистами, жестоливо относился къ мелкому корчемству, не хотѣлъ замѣчать его, стороны предвараля отъ обыска. Часто приходилось дѣлать до 200 миль верхомъ, и какъ прежде, ходя за плугомъ, онъ слагалъ пѣсни, такъ и теперь много стихотвореній было импровизовано во время этихъ поѣздокъ. Въ эту пору до него донеслась вѣсть о революціи. Давно держался онъ въ политикѣ крайнихъ воззрѣній, но въ началѣ на первомъ планѣ были областные интересы, счеты съ Англіею, заступничество за деревенскій народъ; когда же повѣло новою жизнью и освободительныя идеи восторжествовали, имъ овладѣлъ охъняющій лиризмъ и онъ открыто выступилъ защитникомъ перерота. Проѣзжая по берегу моря, онъ замѣтилъ барку, нагруженную пушками, которыя либералы сѣверной Шотландіи послали въ даръ французскому народу. Бёрнсъ съ обнаженной саблей вошелъ первый на барку, конфисковалъ ее, но потомъ на аукціонѣ купилъ пушки и отъ своего имени отправилъ во Францію. Онъ, конечно, не дошли, но молва довела до Лондона слухъ объ этомъ эпизодѣ. Спрощенный, Бёрнсъ стойко оправдывалъ свой поступокъ, предоставляя себѣ имѣть особые взгляды на вѣшнія дѣла. Это сочувствіе новымъ идеямъ окрасило съ той поры всю его поэзію; благодаря одностороннему выбору переводовъ, Бёрнса вообще знаютъ больше, какъ пѣвца народа и деревни, чѣмъ какъ энтузіаста общечеловѣческаго обновленія. Новая стихія эта облизала его и съ молодымъ поколѣніемъ Англіи, его имя стало популярнымъ и въ ея литературѣ, хотя большинство пѣсенъ по прежнему написано было на шотландскомъ нарѣчці, ставшемъ подъ его перомъ небывало гибкимъ и образнымъ. Онъ не разъ пробовалъ писать прямо по-англійски, отъ пѣсенъ переходилъ къ драмѣ, поэмѣ, но это была не его область; какъ Кольцовъ, онъ могущественъ только въ своихъ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ на языкѣ его отцовъ и дѣдовъ. До потомства онъ дошелъ въ симпатичномъ образѣ

задувнаго лирика, сумѣвшаго сочетать личное чувство съ чуткостью и къ народнымъ нуждамъ, и къ красотамъ природы, и къ высшмъ задачамъ челоѣчества. Сближеніе литературы съ жизнью, соведищеся въ прошломъ вѣкѣ, счастливо закончилось этимъ возвращеніемъ лирики.

Бёрнсъ стоитъ уже почти на рубежѣ слѣдующаго вѣка. Сверстники его, здѣлвнше съ нимъ энтузіазмъ къ новой эрѣ или противодѣйствозаше ей во имя самобытности, будущіе романтики или же политическіе лирики главными сторонами своей дѣятельности принадавать уже XIX столѣтію. Завѣщая ему великое наслѣдство, съ чести сходила съ своего поприща литература прошлаго вѣка, памятуя свое вѣрное служеніе народнымъ нуждамъ и мощное вліяніе на еврпейскую мысль.

Алексѣй Веселовскій.